

Как-то незаметно культурная жизнь в нашей стране в связи с пандемией стала, если можно так сказать, виртуальной. Всё меньше и меньше проводится очных литературных конкурсов и массовых мероприятий, где люди могут насладиться «роскошью человеческого общения». К примеру, легендарный фестиваль авторской песни им. Валерия Грушина, собиравший под свои знамёна в иные годы под Самарой до полумиллиона участников и зрителей, вот уже второй год проводится в Интернете, что, естественно, не идёт ему на пользу. А начиналось подобное виртуальное общение, вызванное развитием технологий, задолго до нынешних «пандемийных» времён. Волею судеб и я оказался участником этого процесса.

В конце 2005 года в Рязани возникло содружество авторов, объединённых общими вкусами и художественными идеями и оформившееся в МСП «Новый современник». Инициатор и меценат Илья Майзельс зажёл группу авторов на литературном портале «Что Хочет Автор? Литературные конкурсы». Параллельно в Интернете сгруппировались ряд авторов в ТО «Пилигримы» при инициативном участии Эдуарда Филя. В месте контакта МСП и ТО родился литературно-издательский интернет-проект «Времена года 2005», структура которого в 2010 году легла в основу для Международного Грушинского интернет-конкурса (МГИК), а в 2014 году оргкомитет МГИК преобразовался в Международную Грушинскую академию (МГА). Так случилось, что мне повезло быть причастному ко всем вышеназванным структурам как активному участнику многих «Грушинских» фестивалей сначала в качестве конкурсанта, а потом и в качестве члена жюри 1, 2 и 3 туров. И всё-таки этого было мало — не всякий пишущий стихи или поющий поэт мог по разным причинам приехать на фестиваль, у кого финансы поют романсы, а для кого расстояния непреодолимая преграда. И, слава Богу, стараниями Эдуарда Филя и его сподвижников был явлен граду и миру Международный Грушин-

ский интернет-конкурс, в котором вот уже более 10-ти лет принимают участие, не побоюсь этого сравнения, — поэты и авторы всей Земли, а победители, минуя конкурсные треволнения, получают возможность предстать перед Большим жюри.

Но долгие годы меня не покидало желание организовать на фестивале и конкурс поэзии. Было обидно, что приезжающие на фестиваль поэты были как-то не у дел, т. е. не имели возможности «себя показать — людей посмотреть». И, наконец, при поддержке Евгения Евтушенко, Александра Городницкого, Юрия Полякова, Олега Митяева, Виталия Шабанова и активном содействии Эдуарда Филия её Величество «Поэзия» получила официальный статус на Грушинском фестивале, а лауреаты счастье автора — прочитать стихи с легендарной «Гитары». Немалую роль в развитии поэтического конкурса с 2014 года играет и Международная Грушинская академия, в рамках работы которой проводятся творческие встречи и мастер-классы, в работе которых принимают участие такие известные поэты как Александр Городницкий, Игорь Волгин, Вероника Долина, Ольга Качанова, Борис Щеглов, Ирина Алексеева и другие.

Пользуясь предоставленной возможностью, позволю себе высказать некие суждения по поводу нынешнего состояния авторской песни в целом и её стихотворной составляющей в частности. Человечество до сих пор внятно не может ответить на этот вопрос, и, слава богу! Известны высказывания на сей счёт великих поэтов. К примеру, Поль Верлен говорил, что это «лучшие слова в лучшем порядке...» Я склонен думать, что разговор о поэзии вообще скорее вреден, чем полезен. Кто-то скажет, прочитав нечто, что это высокая поэзия, а кто-то не менее горячо его опровергнет. Кто из них прав? У каждого из спорящих свой жизненный опыт, своё восприятие мира, своя, если угодно, эстетика. И тогда на передний план выходит дилетантское: «я так вижу». Но давным-давно великий критик Николай Чернышевский сказал: «Говорить “я так вижу” — непрофессионально и не интеллигентно». Оставим интеллигентность за скобками и остановимся на слове «непрофессионально». Мне довольно часто и в разных частях нашей необъятной страны приходится вести мастер-классы по поэзии, точнее по технике стихосложения. Разговор о конкретном стихотворении всегда конкретен, поскольку есть человек, его написавший. Он сидит перед тобой и смотрит тебе в глаза. И ему приходится держать ответ за то, что он создал. Как правило, люди просто не владеют профессией, то есть не имеют понятия о технике стихосложения. Я далёк от мысли, что писать стихи не нужно. Очень даже нужно. Стихи пишут все. У нас души «словесные». И это надо всячески поощрять —

пусть лучше люди пишут стихи, чем грабят на дорогах. Вопрос в уровне претензий пишущего на признание. Я понимаю поэзию так: *«От сердца к сердцу, от любви к любви, / До самых-самых беззащитных — нас, / Сквозь жизнь и смерть, Сквозь властный голос крови, / В урочный или неурочный час, / Листвой опавшей, первую травую, / Нас властно отделяя от других, / Доходит и сватает за живое — / И сторонятся мёртвые живых!»*.

То же самое и с понятием «поэт». Поэт — это не тот, кто пишет в столбик. Поэт — это судьба. Поэт — это поручение. Он это поручение выполняет и говорит нечто граду и миру. И это не всегда нравится «сильным мира сего». Ещё в древней Византии посвящённые знали, что истина, брошенная на площади, превращается в смертельный яд. Вспомним наших гусяров и петрушек: их всегда, как бродяг и «шатающихся меж двор», власть имущие били и даже убивали, но самое главное — разбивали и музыкальные инструменты. И только придворным шутам и юродивым дозволялось говорить нечто. Когда-то я написал: *«Петь не умеешь — вой. / Выть не умеешь — молчи. / Не прорастай травой. / Падай звездой в ночи. / Не уходи в запой. / Не проклинай страну. / Пренебрегай толпой. / Не возноси жену. / Помни, что твой кумир — / Слово, но не словцо. / И удивлённый мир / Плюнет тебе в лицо»*.

Поэт в отличие от не поэта не говорит о том, что уже известно всем, кроме него, и не делает сообщений по теме. Он говорит нечто обязывающее, после чего услышавший уже не может жить так, как раньше. И ещё — поэт не имеет права быть жестоким. Его стихи должны делать жизнь человеческую хоть чуть-чуть лучше. Но зачастую бывает с точностью до наоборот: прочитаешь поэта — и повеситься хочется. А этого быть не должно. Поэт должен демонстрировать волю к жизни, а не волю к смерти. Это же касается и авторской песни, а она — нынешняя бардовская песня, на мой взгляд, предаёт традиции древних бардов, менестрелей, миннезингеров и авторов — исполнителей «первого призыва». То, что мы сейчас называем бардовской песней, было прежде явлением социальным. И песни были такие. Это опять же не очень нравилось власти предредающим.

Нынешняя авторская песня, к сожалению, пошла в обслугу, стала развлекать, заняла позицию «чего изволите?». Раньше мы всех авторов знали по именам, сейчас авторы все. Слова — слипшиеся, как леденцы, музыка — надёрганное из уже существующих мелодий. Если суммарно: с миру по строчке, с миру по нотке — автору песенка. Но апломб астрономический! Есть, конечно, и исключения, которые подтверждают сию неприглядную кар-

тину. Многие исполнители при этом даже не отдают себе отчёта в том, что они поют. Для них слова — нечто второстепенное и даже ненужное. И потому они транслируют в мир ужасные словесные конструкции, как будто никогда и не было великой русской поэзии. И что характерно, — поют многие хорошо, поскольку закончили училища и консерватории по классу вокала; то же самое относится и к игре на музыкальных инструментах, а слушать их невозможно. Мне лично это причиняет физическую боль. И, тем не менее, успех той или иной песни зависит от неразрывно и неслиянно присутствующих в ней в течение времени триады: слова, музыка и исполнение. Исполнение в нашем случае не является определяющим. Думаю, что всё-таки слово и музыка — здесь главенствуют.

В подтверждение этого считаю уместным привести здесь слова, недавно сказанные мне народным артистом РФ, пианистом Денисом Мацуевым: «Всё зависит от того, какая музыка и какое слово. Если мы заговорим о песне советской, то давайте в первую очередь вспомним нашу легендарную Александру Пахмутову, юбилей которой недавно прошёл в Большом театре. Был грандиозный концерт, вместивший весь спектр её творчества. Песни, которые создавались тогда, были триумvirатом стихов, музыки и исполнения. Каждая песня “рождалась” годами. Она, в хорошем смысле этого слова, “вымучивалась” — и лишь тогда становилась шедевром, и её принимал народ. Если что-либо из перечисленного выше было несовершенно, то получалась некая проходная “однодневка”, и песня быстро забывалась. Если же наоборот — возникало произведение, соответствующее высшему музыкальному искусству. Если же мы говорим конкретно о слове и музыке, если мы вспоминаем об опере или романсе, то их в первую очередь создавали великие композиторы: Чайковский, Рахманинов — они писали шедевры, которые представить без возвышенных слов невозможно. Но опять же — четверостишия великих русских поэтов предвосхищали “Времена года” Чайковского. Они погружали человека в удивительную музыку стиха».

От себя могу к этому добавить, что от века на Руси песнями становились лучшие лирические стихотворения. Мелодия изначально заложена в ритмической организации стихотворения, созданного поэтом. Наша силлабо-тоническая система стихосложения вытекает из великого богатства русского языка, его певучести. Русская поэзия естественна, как дыхание, и песни у нас такие же. Если совершать насилие над внутренней мелодией стиха, то стих обязательно отомстит: получится не песня, а некое беспорядочное чередование гласных и согласных звуков, что называется какофо-

нией. Я уже не говорю про современную эстраду. Песни, звучащие там, петь нельзя. Они умирают после первого исполнения. Если же вернуться к исполнению песен, то могу вспомнить, как когда-то, в начале 80-х годов прошлого века, со мной произошёл довольно курьёзный случай. Я выступал в Москве. После первых пяти минут моего выступления на сцену вышел из-за кулис организатор концерта и, подойдя ко мне, шепнул на ухо: «Если ты ещё скажешь хоть одно слово, я убью тебя прямо здесь. Нашёлся, тоже мне, артист разговорного жанра! Читай стихи и пой — больше ты ничего не умеешь!». Я это запомнил. Говорить со сцены — великое искусство. Этому раньше учили в специализированных театральных училищах и не один год, а сейчас все — дикторы и декламаторы. Забавно иногда смотреть на автора-исполнителя, блеющего со сцены о том (утрирую), что он съел на завтрак и как он шёл в этот зал, а также о том, что он вчера «написал» эту песню и сейчас попробует её исполнить. Естественно, забывает слова и путается в аккордах. Эстрада — дело жестокое. Зритель и слушатель не прощает и голосует ногами. И правильно делает. И потому я перед исполнением песни читаю подходящее по смыслу стихотворение и, тем самым, веду разговор с теми, кто пришёл меня послушать. Я отношу себя к поющим поэтам, то есть я читаю стихи под какое-то минимальное музыкальное сопровождение. Я чту древних китайцев, которые говорили: «Благородный муж берёт в руки лютню для того, чтобы упорядочить ритм, а не для того, чтобы устраивать бесовские пляски». Мне часто приходится сталкиваться с тем, когда говорят, посмотри, какой хороший образ в этом стихотворении, посмотри, какая строчка хорошая... Для меня важно — состоялось ли стихотворение вообще. Бывает так: образ действительно хороший, а стихотворения нет, потому что всё остальное написано кое-как. Поэт создаёт объективную реальность, и если ему это удаётся, то стихотворение начинает жить, несмотря ни на что. Метафора, звукопись, аллитерация и прочее — это всего лишь вспомогательные средства, «рюшечки». Главное — что ты говоришь и зачем ты это говоришь. Я не обязательно должен соглашаться с тем, что говорит тот или иной поэт, но я должен понимать то, как он это делает и насколько он это делает профессионально.

Не все должны думать так, как я, и исповедовать те же ценности. Я, к примеру, совершенно не умею рисовать, но могу восхищаться мастерством того, кто умеет. Если стихотворение написано безупречно, то критик может соглашаться или не соглашаться лишь с тем, о чём ты говоришь, а это уже совсем другая история. Никто не вправе осуждать за мысли. Осуждают лишь за их во-

площение. Конечно, приятно быть среди единомышленников, но так бывает не всегда, к сожалению. Когда-то великий наш живописец Серов не брал в ученики молодых художников авангардного направления, не сумевших нарисовать корову. К сожалению, частенько приходится сталкиваться с тем, что не владеющие навыками стихосложения, как стихотворцы, так и авторы песен занимаются экспериментаторством. Я иногда на мастер-классах, которые веду на многих как литературных, так и песенных фестивалях, прошу написать по восемь строчек в традиционной манере стихосложения. Результаты, как правило, удручающие. Я допускаю и даже приветствую любые поиски, но лишь после того, как пишущий на традиционном поле сделал всё. Зачастую получается, если говорить образно, недотянув в школе до звания хорошиста, организовал «союз блатных». При этом я никогда не стоял на позиции «держат и не пущат». Просто жаль времени, потраченного впустую, многими мнимыми «новаторами». Всё это уже было. И сбрасывали «с корабля современности», и отменяли, и шельмовали, а традиции принадлежит вечность. А.С. Пушкин — создатель современного литературного языка. Но не каждый — Пушкин. К тому же, никто, хотя бы по гамбургскому счёту, не отменил иерархию таланта. И потому, на мой взгляд, вовсе не нужно идти напролом молодым поэтам-новаторам. Им и так везде «зелёный свет». Вон, целый мир у их ног, целый Интернет, пиши, вывешивай, собирай «лайки», или что там они собирают, и будь гением среди таких же гениев, издавай книжки, раздаривай друзьям и подругам. Будь! Но... Одно дело — играть в игрушки, а другое — влезать в русскую литературу. Туда нужно приходиться с чем-то. Маяковский когда-то сказал: «Если тебе корова имя / У тебя должны быть молоко и вымя...» и так далее.

Сейчас много и через губу говорят, что поэзия никому не нужна. Смею вас заверить — это не так. Я много где бываю и вижу, что поэзия — ой, как нужна. И везде спрашивают: книжки, книжки, книжки... Но... Это происходит после того, как ты выступаешь перед людьми. Если людям интересно, если ты говоришь что-то нужное для них, они тебя слушают. Если же людям не интересно, то ты уходишь (как говорят на эстраде) «под шорох собственных ресниц». Повторюсь, поэт — это поручение. Иди и говори. Что касается второй части вопроса: ничего не видел в жизни глупее, чем человека, говорящего о своём творчестве и о своём таланте. Талант — это мера. Призываю к этому стремиться.